

Юлия Тупикина, iosono@yandex.ru

Герман, Франц и Грегор

По мотивам новеллы Франца Кафки «Превращение», с использованием биографии писателя, его писем и дневников.

ОТЕЦ – 40, потом 70 лет.

ФРАНЦ – 15 лет.

МАТЬ – 40, потом 70 лет.

ПРИКАЗЧИК – 40-50 лет.

ДАМА – 25 лет.

УПРАВЛЯЮЩИЙ – 40-50 лет.

ГРЕГОР – 40 лет.

СЕСТРА – 16 лет.

ДОРА – 19 лет.

ЭЛЛИ, ВАЛЛИ, ОТТЛА – в первой сцене 50 лет.

1.

Комната Грегора Замзы. Вбегают множество людей-насекомых. Всем им очень тесно и страшно. Люди в фашисткой форме загоняют их в комнату прикладами, запирают.

ЭЛЛИ. Валли! Валли Кафка! Оттла! Оттла Кафка!

ВАЛЛИ. Мы здесь, Элли! Мы здесь!

ОТТЛА. Элли! Мы здесь!

Сёстры находят друг друга среди толпы.

ЭЛЛИ. Вот мы собрались семьёй.

ВАЛЛИ. Как когда-то, с папой, мамой и Францем.

ОТТЛА. Как счастливо мы жили раньше, оказывается.

ЭЛЛИ. Пожили как люди.

ВАЛЛИ. Я бы хотела пожить ещё лет тридцать, до восьмидесяти.

ОТТЛА. Это не для таких, как мы.

ЭЛЛИ. Мы не люди для них.

ВАЛЛИ. Новый биологический вид.

ОТТЛА. Это началось, когда надели повязки.

ЭЛЛИ. Звезда Давида будто делала нас другими.

ВАЛЛИ. Как хорошо, что папа умер в 31 году.

ОТТЛА. Как хорошо, что мама умерла в 34-м.

ЭЛЛИ. Как хорошо, что Франц умер в 24-м.

ВАЛЛИ. Как хорошо, что моя дочь Марианна уехала с мужем в Англию.

ОТТЛА. А наши дети с нами.

ВАЛЛИ. Здесь мой муж.

ЭЛЛИ. Как хорошо, что мой муж умер до войны.

ОТТЛА. А мой развёлся со мной в самом начале войны.

ВАЛЛИ. Нас отпустят. Поддержат в гетто и отпустят.

ОТТЛА. А вдруг не отпустят?

ЭЛЛИ. Зачем мы им?

ВАЛЛИ. Они не будут жить с нами на планете.

ОТТЛА. Мы другие.

ЭЛЛИ. Мы омерзительные для них.

ВАЛЛИ. Но ведь они образованные люди, они тоже читают Гёте.

ОТТЛА. Если ты в повязке, на тебя не распространяется Гёте.

ЭЛЛИ. Ты другой.

ВАЛЛИ. Они бросают в нас яблоки, и яблоки застревают в наших спинах.

ОТТЛА. И гниют.

ЭЛЛИ. И гниют.

ВАЛЛИ. Надо читать Гёте.

ОТТЛА. Гёте разгонит этот морок?

ЭЛЛИ. Насекомые не могут читать стихи.

ВАЛЛИ. Как всё ликует,

Поёт, звенит!

В цвету долина,

В огне зенит!

Трепещет каждый

На ветке лист,

Не молкнет в рощах

Весёлый свист.

Как эту радость

В груди вместить! —

Смотреть! и слушать!

Дышать! и жить!

Комната становится газовой камерой.

2.

Пляж. Возле кабинки для переодевания в купальных костюмах стоят Франц – худой, слабый, узкогрудый – и Отец – сильный, большой, широкоплечий. Отец делает зарядку – он широко размахивает руками, приседает – а потом на берегу учит Франца плавать: показывает, как надо двигать руками и ногами. Франц не разделяет энтузиазма Отца. Они заходят в тесную кабинку для переодевания: Отец занимает почти всё пространство, насвистывает мелодию, видно, что он хорошо позавтракал и доволен жизнью. Они одеваются и выходят из кабинки.

3.

Столовая в доме семейства Кафка. Отец, Мать, Франц и три девочки (сёстры Элли, Валли и Оттла) обедают. Отец быстро грызёт огромную кость, закусывает горячими большими кусками картофеля, чавкает, измазанным в соусе ножом отрезает себе ломоть хлеба. Он почти не замечает дочерей – сконцентрирован на Франце. У Франца нет аппетита.

ОТЕЦ. Всё, что на столе, должно быть съедено. И не верти носом. Да, эта скотина-кухарка не умеет готовить жратву.

МАТЬ. Герман...

ОТЕЦ. Да, дорогая, именно так. Ей бы только варить для свиней. Я не удивлюсь, если она их там объедала у себя в деревне – где-то же она наела такую жопу.

МАТЬ. Герман...

ОТЕЦ. Кстати, у нас быстро пропадает масло, я заметил. Как говорится, засыпаешь с собакой, просыпаешься с блохами: если берёшь в дом толстожопую кухарку, то будь готов к её аппетиту. Хотя, хороший аппетит – признак хорошего человека. Тощие люди – злые люди. Всё, что на столе, должно быть съедено! О чём он задумался, этот господин сын?

МАТЬ. Ешь, Франц.

ОТЕЦ. Быстрее, быстрее, быстрее! Ешь быстрее! Видишь, я давно уже съел! Так о чём он думает?

ФРАНЦ. Я...

ОТЕЦ (*перебивая*). Сначала съешь, потом говори.

Франц берёт кость.

Кости грызть нельзя!

Франц кладет кость обратно.

И следы, чтобы не падали крошки!

Франц заглядывает под стол – под отцом валяется множество крошек и отдельные огрызки еды.

За столом нужно заниматься едой.

Отец чистит и обрезает ногти, точит карандаши, ковыряет зубочисткой в ушах.

Учишь их, учишь, воспитываешь. А никакой благодарности. (*Матери*) От господина сына этого, конечно, не дождёшься. Передай ему, чтобы поторапливался.

МАТЬ. Ешь, Франц, не спи.

ОТЕЦ. Вот он не ценит то, что имеет. Какое жалкое поколение. Где кафкианский дух? Соплём перешибёшь. А я в детстве был счастлив, когда хотя бы картошка была на столе. Вот просто – картошка и соль, да, без всякого масла. Семи лет от роду ходил с тележкой по деревням. Раны были на ногах хронические – потому что зимней одежды не хватало на меня, понимаете ли вы это, дети? Франц, Элли, Валли, Отгла, вы понимаете? Одежды не было у меня на зиму. Поэтому раны открытые на ногах весь год. И не было такого, чтобы каждому отдельная комната, как вам. Куда там! Все в одной комнате спали: отец, мать и все мы, пятеро детей. Ребёнком меня отдали в Пизек, в лавку. Из дома ничего не присылали – что сам добудешь, то и ешь, в то и одеваешься. А чужим людям на тебя нас...

МАТЬ. Герман...

ОТЕЦ. ...Наплевать. Я сам посылал деньги домой. Понимаете? Не родители мне, а я, ребёнок, родителям. И всё-таки отец для меня всегда был отцом. Я

уважал его. У него была серьёзная профессия – мясник. Кто теперь так относится к отцам? Уважают меня мои дети?

МАТЬ. Уважают. Да, дети?

ОТЕЦ. Не вижу ни малейшего знака внимания и сочувствия, одна чёрствость. Они же ничего не испытали! Разве теперешний ребенок это поймет? Да, всё бесполезно, я вижу. Обед закончен. Пора за дела. Нас ждёт магазин, Франц.

Отец встаёт, все встают тоже, оставляя недоеденное. Отец, за ним Франц, выходят.

4.

Галантерейный магазин Германа Кафки. Перед Отцом – Приказчик, худой и болезненный человек, он дрожащими руками выкладывает товар на прилавок, стараясь художественно его группировать: ленты, тесьму, галстуки, подвязки, бритвы, щётки. Отец вдруг одним движением смахивает всё на пол. Франц стоит рядом. Приказчик поднимает товар с пола, кашляет.

ОТЕЦ. Господин Пукиш, извольте слушать меня!

Приказчик замирает.

Вы, кажется, не понимаете всю серьёзность своего положения. Я взял вас на работу, терплю эти болезни постоянные, кашель. Почему вы кашляете всё время?

ПРИКАЗЧИК. Виноват, господин Кафка.

ОТЕЦ. А может, у вас болезнь лёгких? Может, вы тут заражаете всё подряд?

ПРИКАЗЧИК. Никак нет, простуда, это последствия простуды...

ОТЕЦ (*перебивая*). А почему вы такой худой? Вы больны? У вас глисты?

ПРИКАЗЧИК. Я с детства-с, с детства-с не отличался толщиной, господин Кафка.

ОТЕЦ. Вы бесполезный и бесталаный человек, и я по щедрости душевной терплю вас тут, в своём прекрасном магазине. Это лучший галантерейный магазин в Праге! А что вы дали ему? Что? Пятна какие-то везде, хотя бы протереть поверхности можете? Ваши бесцветные глаза излучают проблемы с пищеварением, и только. Хватит кашлять! Где ваш задор? Почему покупатель должен что-то покупать у вас – такого серого и блёклого? Как можно класть вместе предметы женского и мужского туалета? Вы что, ополоумели? А чем женщин очаровывать будете, м? Вы, вообще, размножаетесь? Размножаетесь, я вас спрашиваю, там со своей Миленой?!

ПРИКАЗЧИК. Извините, я в некотором смысле...

ОТЕЦ. Чего вы там сопли жуёте?!

ПРИКАЗЧИК. В некотором смысле, это семейная жизнь, а здесь служба, я на службе...

ОТЕЦ. На службе надо быть мужчиной. Вы мужчина?

ПРИКАЗЧИК. Я люблю свою жену... Извините, господин Кафка, но при чём тут это?

ОТЕЦ. При чём? При чём, вы спрашиваете? Ваши клиенты – это дамы. И они хотят видеть любовь, они хотят чувствовать ваше мужское обаяние. Где оно?!

Где оно, я вас спрашиваю, господин Пукиш?! Я заплатил за него, где оно?!
Снимай штаны! Снимай штаны, я сказал!

ПРИКАЗЧИК. Господин Кафка...

ОТЕЦ. Шучу, идиот!

В магазин заходит Дама.

ОТЕЦ. Добрый день, мадам! Наконец-то в помещении стало светлее!

ДАМА. День добрый. Почему же светлее?

ОТЕЦ. Вы вошли, вот вы вошли – и сразу светлее стало, и запахло, дайте подумать... розмарин... лаванда... жасмин...

ДАМА. О, вы угадали, там есть это.

ОТЕЦ. Корень ириса... Сандаловое дерево... Амбра. «Жики» от Герлен.

ДАМА. Да, это «Жики» от Герлен. Но как...

ОТЕЦ. Мадам, вам удивительно идёт этот аромат, вашим тонким запястьям и этому нежном румянцу. Но присаживайтесь, пожалуйста.

Отец делает знак – Приказчик быстро ставит стул возле прилавка.

ДАМА. Благодарю вас.

ОТЕЦ. Чем я могу служить, мадам? Но нет, подождите, я попробую угадать. Только мне нужно время. Я пока разложу товар, если позволите (*быстро поднимает с пола и искусно раскладывает то, что до этого смахнул с прилавка*). Ваши тонкие черты лица... Вас, конечно, зовут, Анна.

ДАМА. Да, меня зовут Анна, Анна Бауэр, но откуда...

ОТЕЦ. Мадам Бауэр, большая честь для меня, как для владельца этого магазина, обслуживать вас.

ДАМА. Так вы господин Кафка.

ОТЕЦ. Как это звучит в ваших устах: Кафка. Кафка. Музыка. Я буду вспоминать эти звуки все несколько дней до вашего следующего прихода.

ДАМА. Я не так часто хожу по магазинам. Собственно, мне нужно только...

ОТЕЦ (*перебивая*). Один момент. Примерьте, пожалуйста, это. (*подаёт ей перчатки*).

ДАМА. Какие изящные перчатки, но мне нужно было...

ОТЕЦ (*перебивая*). Боже мой, как они вам подошли. Редко встретишь такую изящную кисть. Это последняя пара перчаток, очень добротный товар.

ДАМА. Последняя? А сколько...

ОТЕЦ (*перебивая*). Вашему цвету глаз очень подойдёт изумруд. (*подаёт кошелек*) Смотрите, какой изумрудный кошелек. Не покупайте, просто поддержите его, я люблю. (*подаёт зонт*) И этот зонт. Боже мой, надо открыть при магазине фотоателье, это ослепительная красота, её надо передавать потомкам. У вас есть потомки?

ДАМА. Дети? У нас с мужем ещё нет детей.

ОТЕЦ (*подаёт кисть для бритья*). Чтобы он не чувствовал себя обделённым, когда вы вернётесь из нашего магазина.

ДАМА. Да-да, хорошо.

ОТЕЦ. Прекрасные кисти для бритья. В составе такого набора, поглядите. (*показывает набор для бритья*).

ДАМА. Какая красота!

ОТЕЦ. Очень качественная сталь. Слоновая кость. Спецзаказ с одной уважаемой фабрики. Только в нашем магазине. Это очень про любовь, про уважение. Получивший такое поймёт, как он любим, как его уважают.

ДАМА. Пожалуй, возьму. И зонт, и перчатки, и кошелёк.

ОТЕЦ (*быстро и искусно упаковывая покупки*). Прекрасно, прекрасный выбор, у вас хороший вкус.

ДАМА. Я выпишу вам чек. Напишите сумму.

ОТЕЦ (*пишет цифру на чеке*). Позвольте ваш адрес, мадам Бауэр, куда я могу прислать покупки.

ДАМА (*передавая визитную карточку*). Вообще-то я хотела купить только булавки. А тут такая сумма неожиданная.

ОТЕЦ. Такая внешность должна быть или в картинной галерее на полотне знаменитого художника, или... Я не знаю, где, мой ум воспаряет, но я могу только мечтать и вздыхать. А булавки дарю.

ДАМА. Благодарю вас, господин Кафка. У вас тут так приятно.

ОТЕЦ. Я провожу вас, мадам Бауэр.

Отец и Дама уходят. Приказчик прибирается на прилавке. Франц хватается тряпку и начищает всё вокруг.

ПРИКАЗЧИК. Оставьте, я протру, господин Кафка.

ФРАНЦ. Как ваше здоровье, господин Пукиш?

ПРИКАЗЧИК. Как ваш отец говорит за моей спиной: чтоб он сдох поскорей, этот Пукиш.

ФРАНЦ. Он не прав, господин Пукиш, я хочу извиниться за него.

ПРИКАЗЧИК. Да ладно вам, господин Кафка.

ФРАНЦ. Почему вы меня так называете? Вы же всегда называли меня Франц.

ПРИКАЗЧИК. Теперь вы повзростели. Уже нельзя подарить вам леденец. Потом смените отца и станете хозяином.

ФРАНЦ. Я никогда не стану хозяином этого магазина. Ненавижу его. И отца.

ПРИКАЗЧИК. Не говорите так, Франц, он хороший коммерсант. Он талантливый коммерсант. Он, чёрт возьми, такой талантливый, что...

ФРАНЦ. Вы имеете право его ненавидеть. Он плохо обращается с подчинёнными.

ПРИКАЗЧИК. И мне никуда не деться.

ФРАНЦ. Надо что-то делать. Вы должны сказать ему. Вы взрослый. Скажите ему.

ПРИКАЗЧИК. Он кричал: не смей мне возражать! Что я ему – раб?

ФРАНЦ. Он совсем потерял приличие.

ПРИКАЗЧИК. Да, скажу ему. Я не раб. Нельзя так оскорблять человека.

Входит Отец.

ОТЕЦ. Ступайте на склад, Пукиш.

Приказчик уходит.

ФРАНЦ. Даже если я буду лизать им ботинки, в этом нет смысла.

ОТЕЦ. Ты про что, сын?

ФРАНЦ. Ты... Ты так кричишь на них.

ОТЕЦ. Ну-ка, ну-ка.

ФРАНЦ. Да, кричишь, чёрт...

ОТЕЦ. Не ругайся!

ФРАНЦ. Я не могу загладить твою вину перед ними.

ОТЕЦ. Вину? Про что ты говоришь? Ты вздумал учить меня жизни?

ФРАНЦ. Ты набрасываешься на них...

ОТЕЦ (*подняв руку вверх*). Молчать! Не возражать! Да что ты вообразил о себе? Да ты что такое говоришь! Мне? Ты меня учишь, как мне обращаться с этими оплаченными врагами? Они оплаченные враги, ты не понимаешь что ли? Они бездари, они не умеют торговать. Ты не понимаешь это? Я один за день продаю на такую сумму, на которую этот чахоточный Пукиш неделю продаёт. И при том хочется плюнуть в его кислую рожу. Женщина не чувствует себя женщиной с ним, он не мужчина, он мальчик! И ты мальчик! Никак не выйдешь из детского платьица. Как вы надоели мне, мальчики! Как этому миру не хватает мужчин, взрослых мужчин!

ФРАНЦ. Ты для них враг, они боятся тебя и не любят.

ОТЕЦ. Добро пожаловать во взрослый мир, сын! Тут никто не будет подтирать тебе задницу, никто не будет греть тебе молоко просто так. Между взрослыми людьми деловые отношения, а слабаки отбраковываются. Помнишь, мы отправили обратно на завод кружево – оно было бракованное, с пятнами. Твой Пукиш – такое кружево. Он пятно! И ты пятно! Вы слабаки! Вы тараканы среди людей! Насекомые!

ФРАНЦ. Но...

ОТЕЦ (*перебивая, поднимая руку вверх*). Не возражать!

ФРАНЦ. Отец...

ОТЕЦ (*перебивая*). Кыш! Иди отсюда! Ты бездарь, ты не способен к высокому искусству коммерции, не могу видеть тебя!

Франц убегает.

5.

Контора торговцев сукном. За конторкой стоит Управляющий, Грегор сидит напротив.

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Способны ли вы к высокому искусству коммерции? Этот вопрос я задаю себе, господин Замза.

ГРЕГОР. Но...

УПРАВЛЯЮЩИЙ (*перебивая*). Положение ваше отнюдь не прочно. Отнюдь. Ваши успехи в последнее время были, скажу я вам, весьма неудовлетворительны. Правда сейчас не то время года, чтобы заключать большие сделки, но такого времени года, когда не заключают никаких сделок, вообще не существует, господин Замза, не может существовать.

ГРЕГОР. Господин управляющий, выслушайте меня! Я коммивояжёр. Вы отлично знаете, что находясь почти весь год вне фирмы, коммивояжёр легко может стать жертвой сплетни, случайностей и беспочвенных обвинений. Защититься от них я совершенно не в силах, потому что о них ничего почти не знаю. И только потом, возвращаясь из поездки, испытываю их скверные, уже далекие от причин последствия на собственной шкуре, и...

УПРАВЛЯЮЩИЙ (*перебивая*). Да при чём тут сплетни? У вас просто очень мало сделок.

ГРЕГОР. Не знаю, почему, господин управляющий. Я так стараюсь, вожу эти тяжёлые образцы сукна, встаю в четыре утра, чтобы успеть на поезд, целый день беготня, ни отдохнуть, ни поесть толком, а мне нужно пить молоко, мне нужно нормально питаться...

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Хотите, чтобы я вас жалел? Но я не ваша мать. Добро пожаловать во взрослый мир, господин Замза.

ГРЕГОР. Из последних сил выбиваюсь, работаю. Ни разу не брал больничный последние пять лет. Хотя недомогаю. У меня какое-то предчувствие.

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Какое предчувствие?

ГРЕГОР. Не знаю. Смутное.

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Сходите к нашему врачу.

ГРЕГОР. Наш врач всегда говорит, что все мы, служащие, бездельники и только придуриваемся, чтобы не работать.

УПРАВЛЯЮЩИЙ. В большинстве случаев он прав. Так что засуньте ваши предчувствия подальше и беритесь за работу. Включите своё обаяние. Иначе люди видят только ваши блёклые глаза, которые отражают лишь проблемы с пищеварением, и не хотят ничего покупать. Если показатели не повысятся, я буду вынужден уволить вас.

ГРЕГОР. Прошу вас, господин управляющий, не делайте это! На моём содержании большая семья: отец, мать и сестра, она совсем юная. Я выплачиваю долг моего отца, и плачу за нашу квартиру.

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Это ваши личные дела, господин Замза, меня они не волнуют.

ГРЕГОР. Но господин управляющий...

УПРАВЛЯЮЩИЙ. Мы сделали вас из маленького приказчика вояжёрком. Наверное, поторопились. Вы свободны, господин Замза. Идите и подумайте обо всём этом. Надеюсь, этот разговор вас взбодрил, и теперь вы принесёте в нашу контору новые сделки.

6.

Квартира семейства Замза. Тихий семейный вечер: Отец, Мать и Сестра играют в карты, Грегор делает вид, что читает газету.

ОТЕЦ. Ну что, а вот я так похожу.

МАТЬ. Только не волнуйся, Герман. Это всего лишь игра.

СЕСТРА. А я так пойду.

ОТЕЦ. Нет, ну откуда ты взяла эту карту! (*матери*) У неё не должно быть этой карты! Я всё просчитал!

МАТЬ. Дорогая, откуда у тебя эта карта?

СЕСТРА. Мама! Что за вопрос! Конечно, из колоды!

МАТЬ. Она взяла её из колоды, Герман.

ОТЕЦ. Ну конечно, из колоды, что вы меня держите за дурака! Я спрашиваю про другое!

МАТЬ. Только не волнуйся, Герман. Тебе врач не велит волноваться.

СЕСТРА. Папа, ну давай, как будто нет у меня этой карты, хочешь?

ОТЕЦ. Вы и правда думаете, я такая развалина, что со мной надо в поддавки?

МАТЬ. Хорошо, давайте начнём новую игру. Может, Грегор к нам присоединится. Грегор?

ГРЕГОР. Да, мама.

МАТЬ. Не сыграешь ли с нами партию, сынок?

ОТЕЦ. Иди сыграй с нами, Грегор. Хватит там глаза портить.

СЕСТРА. А хотите, я вам на скрипке сыграю?

ГРЕГОР. Мне что-то не хочется играть в карты.

ОТЕЦ. Никогда не играешь с нами. С детства такой. Всегда: нет, нет, нет.

ГРЕГОР. Пусть лучше Оттла нам сыграет на скрипке.

Оттла играет на скрипке.

ОТЕЦ. Я не хочу просто сидеть и слушать. Давайте тогда слушать и играть в карты.

ГРЕГОР. Как можно слушать музыку и что-то делать ещё?

МАТЬ. Очень просто – я слушаю музыку, а думаю о хозяйстве, сколько моркови надо купить, и что надо сказать кухарке. Ты ещё молодой, не понимаешь этого.

ОТЕЦ. Бесплезно, он у нас такой возвышенный, этот господин сын.

ГРЕГОР. А вы читали мой рассказ?

СЕСТРА. Я читала! Отличный рассказ, Грегор!

ГРЕГОР. Благодарю, сестра. Больше никто не читал?

МАТЬ. Мы обязательно прочитаем, сынок.

ГРЕГОР. Но ведь я дал вам его месяц назад.

ОТЕЦ. Так ты в карты будешь играть или нет?

МАТЬ. Давай погрею тебе молока, сынок. Тебе надо пить молоко. Кстати, как ты себя чувствуешь сегодня?

ГРЕГОР. Хочу жениться.

Пауза.

ОТЕЦ. Ну так что, давайте ещё партию, да? А потом и спать пора.

ГРЕГОР. Папа, ты не слышал меня: я хочу жениться.

ОТЕЦ. Да-да.

ГРЕГОР. Почему не спрашиваешь, на ком?

МАТЬ. Ну пойду греть молоко.

СЕСТРА. Помогу тебе, мама.

Мать и сестра уходят.

ОТЕЦ. На ком?

ГРЕГОР. Это очень хорошая девушка. Её зовут Дора.

ОТЕЦ. Ну что ж, очень хорошо.

ГРЕГОР. Очень хорошо?

ОТЕЦ. Да, очень хорошо.

ГРЕГОР. Так ты не против помолвки?

ОТЕЦ. Нет.

ГРЕГОР. Это сарказм?

ОТЕЦ. Нет, серьёзно. Я не против твоей женитьбы. Девушка, наверняка, прекрасная. Вы создадите крепкую семью, родите детей. Это очень хорошо.

ГРЕГОР. Лучше бы назвал это неблагодарностью, сумасбродством, непослушанием, предательством, сумасшествием. Чем так.

ОТЕЦ. Грегор, я действительно очень...

ГРЕГОР (*перебивая*). Пойду спать. Болит голова. Завтра утром на поезд.

Грегор уходит в свою комнату.

7.

Грегор и Дора гуляют вдоль озера.

ГРЕГОР. Он сказал: это неблагодарность, сумасбродство, непослушание, предательство, сумасшествие.

ДОРА. Боже мой.

ГРЕГОР. Да, Дора. И это мой отец.

ДОРА. Мне очень жаль.

ГРЕГОР. Знаешь, в детстве он кричал на меня часто. И даже угрожал. «Я разорву тебя на части!» Ну то есть, понимаю, конечно, что... Хотя, тогда я верил. Мог представить себе это: что он разрывает меня на части. Один раз он бросил в меня яблоком.

ДОРА. Кошмар.

ГРЕГОР. Да, было больно. И обидно.

ДОРА. Так мы поженимся?

ГРЕГОР. Дора, я же тебе всё рассказываю. Он против.

ДОРА. А ты?

ГРЕГОР. Я – за!

ДОРА. Нет, я хотела спросить, что ты собираешься с этим делать?

ГРЕГОР. Ему всё представляется примерно так. Вот, он всю жизнь тяжело трудился, всё жертвовал нам, семье. И прежде всего, мне, благодаря чему я жил припеваючи, не знал забот о пропитании, а значит, и вообще никаких забот. И он теперь ждёт за это благодарности.

ДОРА. И?

ГРЕГОР. Знаешь... Как-то ночью, в детстве, я всё время скулил – просил пить. Не знаю, может, не мог уснуть, или что-то болело, не помню. Он кричал на меня. А потом вынул из постели, вынес на балкон и оставил там за дверью. Дверь запер. Может, это было правильно. Может, я должен был получиться таким сильным, закалённым человеком. Но не получился. Я тогда сразу затих, но мне был причинён глубокий вред. Стоял и думал: вот же какое я ничтожество для него.

ДОРА. Мне очень жаль, Грегор.

ГРЕГОР. Спасибо, Дора. Спасибо за поддержку.

ДОРА. Я люблю тебя.

ГРЕГОР. Я очень люблю тебя.

ДОРА. Когда мы поженимся?

ГРЕГОР. Не хочу просыпаться по утрам, Дора. Потому что ненавижу свою работу. Плохо делаю её. Уже несколько лет.

ДОРА. Надо поменять работу.

ГРЕГОР. Я бы хотел заниматься только писательством.

ДОРА. Хорошо.

ГРЕГОР. Но этот труд не может прокормить семью.

ДОРА. И что же делать?

ГРЕГОР. Дора, дорогая, давай просто погуляем. Просто погуляем, спокойно и размеренно, как два пенсионера. Иначе у меня разболится голова.

ДОРА. Господи, вечно что-то у тебя болит. Ты же ровесник моего папы, но папа никогда столько не жалуется на здоровье.

ГРЕГОР. Девочка моя, ты сердисься на меня?

ДОРА. Грегор, я бы хотела понять...

ГРЕГОР (*перебивая*). Понимаю тебя. Всё понимаю. И ты пойми меня. Я не уверен в себе. В том, что существую. И это началось с детства. Мой отец сделал всё для этого. Моё тело – я всегда не уверен, что оно есть. Каждую минуту мне нужно подтверждение его существования.

ДОРА. Я целую тебя.

ГРЕГОР. Обожаю, когда ты меня целуешь. Но не уверен в своём теле, понимаешь? В детстве вытягивался в длину, но не знал, что с этим поделать. Тяжесть была слишком большой, я стал сутулиться. Едва решался двигаться, тем более заниматься гимнастикой. Оставался слабым. Всему, чем ещё обладал, удивлялся как чуду, понимаешь? Например, пищеварению. И этого было достаточно, чтобы пищеварение испортилось.

ДОРА. Не хочу говорить сейчас о твоём пищеварении, Грегор.

ГРЕГОР. У меня иппохондрия.

ДОРА. У меня мозоль. И что? Я не хочу сейчас говорить об этом. Давай о другом, давай...

ГРЕГОР. Ты внушаешь мне колоссальное чувство вины. Я устал жить с этим чувством. Мой отец, моя мать – они всегда делают так, что я чувствую себя виноватым. И ты...

ДОРА. Так ты не женишься на мне?

ГРЕГОР. Не сейчас. Не могу идти против мнения отца. Он старый больной человек.

ДОРА. Не провожай меня, Грегор.

Дора уходит.

ГРЕГОР (*вслед*). Дора, куда ты?

ДОРА. Домой. Что-то соскучилась по своему папе.

8.

Семья Замза за обедом. Все едят в тишине.

ГРЕГОР. Что-то соскучился я по тебе, папа. Да-да. Ты давно не учил меня, не высказывал свои суждения о жизни.

МАТЬ. Грегор, будешь сыр?

ГРЕГОР. Спасибо, мама, он уже несвежий, я воздержусь, ты же знаешь мой желудок. Папа, ну так скажи что-нибудь.

ОТЕЦ. Грегор, давай спокойно пообедаем.

ГРЕГОР. Ты презираешь меня?

МАТЬ. Грегор, сынок, зачем ты о неприятном? У тебя желудок, у папы нервы. Вам нельзя волноваться.

ОТЕЦ. Оттла, а сыграй нам на скрипке.

Оттла играет на скрипке.

ГРЕГОР. Я много думал, папа. Мне кажется, моё чувство вины проникнуто сознанием некой исключительности. Оно порождено тобой, но я чувствую себя исключительным благодаря ему.

ОТЕЦ. В чём я виноват перед тобой?

ГРЕГОР. Я был бы счастлив, если бы ты был моим другом, шефом, дядей, дедушкой, даже тестем. Но именно как отец ты слишком сильный для меня. Мне пришлось выдержать твой воспитательный натиск одному, а для этого я слишком слаб.

МАТЬ. У нас пирог на десерт.

ОТЕЦ. Хорошо, виноват перед тобой, признаю свою вину.

ГРЕГОР. Если бы я был отец, для меня был бы невыносим такой безмолвный, глухой, черствый, слабосильный сын, я, пожалуй, бежал бы от него. А сначала женил его.

МАТЬ. Сынок, ты будешь молока?

ОТЕЦ. Ты можешь жениться, можешь не жениться – это на твоё усмотрение, Грегор.

ГРЕГОР. Самое главное препятствие к женитьбе знаешь какое? Я уверен, что в семейной жизни надо быть таким, как ты. Всё, что в тебе – сила, презрение к другим, здоровье, твоя неумеренность, дар речи, уверенность в себе, недовольство всеми остальными, чувство превосходства и деспотизм, знание людей, недоверие к большинству из них. Ну и твои достоинства: усердие, терпение, присутствие духа, бесстрашие. У меня нет ничего этого. Совсем ничего этого нет. Но даже тебе непросто в браке. Ты борешься, терпишь поражения.

МАТЬ. Не понимаю, о чём ты, Грегор. Мы всю жизнь прожили душа в душу с твоим отцом.

ОТЕЦ. Я не против твоего брака с этой девушкой, сын. Но если не хочешь – не проблема. В конце концов, это уже столько раз было – твои расторгнутые помолвки. Столько невест уже было.

МАТЬ. Ну, пусть это останется в прошлом. Грегор был не готов, это нормально. И хватит вам спорить.

ГРЕГОР. Это война, мама.

ОТЕЦ. Бывает война рыцарская, когда силами меряются два равных противника. А бывает война насекомого. Паразита, который не только жалит, но тут же и высасывает кровь для сохранения собственной жизни. Ты нежизнеспособен. Но чтобы жить удобно, без забот и упреков самому себе, ты доказываешь, что всю твою жизнеспособность отнял у тебя и упрятал в свой карман я. А ты спокойно ложишься и предоставляешь мне тащить тебя — физически и духовно — через жизнь. Ты хочешь жениться, но в то же время и не хочешь жениться. Но при этом хочешь, чтобы я помог тебе не жениться, запретив женитьбу. И не подумаю сделать это. Тем более, ты не отказался бы от женитьбы из-за моего отрицательного отношения к ней, наоборот. Это бы подстегнуло тебя жениться на этой девушке. А я в любом случае виноват в том, что ты не женился. Я в любом случае виноват. Всегда. А что сделал ты с дарованным тебе счастьем быть мужчиной?

Отец уходит. За ним Сестра.

МАТЬ. Сынок, так ты хочешь или нет жениться на Доре?

ГРЕГОР. Мама, у меня мигрень, бессонница, запоры, импотенция, нарывы и больной желудок.

МАТЬ. Бедный мой сын. Это всё нервы.

ГРЕГОР. Помнишь, мама, сколько всего было у меня увлечений?

МАТЬ. Ты имеешь в виду скрипку?

ГРЕГОР. Сначала был рояль, потом скрипка, языки, германистика, антисионизм, сионизм, древнееврейский, садоводство, столярничанье, литература, попытки жениться, собственная квартира.

МАТЬ. Все чем-то увлекаются сынок.

ГРЕГОР. Меня ужасно мучает беспокойство. Не могу понять, откуда. От привычных мыслей, их быстро забываешь, а беспокойство они оставляют незабываемое. Мне легче вспомнить не мысли, а место, где они возникли. Например, одна мысль пришла в голову возле Старо-Новой синагоги. И даже предчувствие хорошего – тоже беспокойство. Как будто марширую на месте. Всю жизнь. Я как кариозный зуб. Не делал никогда никакой попытки как-то направить свою жизнь. Вот представь, человеку, всем людям, дан центр окружности, и все должны взять направление по центральному радиусу и потом описать прекрасную окружность. Вместо этого я всё время брал разбег к радиусу и всё время сразу же останавливался. Если же когда-нибудь проходил по радиусу немножко дальше, чем обычно, например при изучении права или при помолвках, все оказывалось ровно настолько хуже, а не лучше, чем обычно. Середина моего круга вся покрыта коротенькими радиусами, там нет больше места для новой попытки. Понимаешь, нет места. Возраст, слабость нервов. Конец.

МАТЬ. Так тебе принести молока, Грегор?

ГРЕГОР. Спасибо, мама, но я, пожалуй, пойду спать. Завтра вставать в четыре часа и на поезд.

МАТЬ. Спокойной ночи, сын.

9.

Комната Грегора.

ГРЕГОР. Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое. Лёжа на панцирно-твёрдой спине, он видел, стоило приподнять голову, свой коричневый, выпуклый, разделённый дугообразными чешуйками живот, на верхушке которого едва держалось готовое вот-вот окончательно сползти одеяло. Его многочисленные, убого тонкие по сравнению с остальным телом ножки беспомощно копошились у него перед глазами. Взгляд Грегора устремился в окно, и пасмурная погода – слышно было, как по жести подоконника стучат капли дождя – привела его и вовсе в грустное настроение. «Хорошо бы ещё немного поспать и забыть всю эту чепуху», - подумал он, но это было совершенно неосуществимо: он привык спать на правом боку, а в теперешнем своем состоянии никак не мог принять это положение. С какой бы силой он не поворачивался на правый бок – непременно оказывался снова на спине.

МАТЬ. Грегор, уже без четверти семь, разве ты не собирался уехать?

ГРЕГОР. Да-да, спасибо, мама, уже встаю!

Отец стучит в дверь.

ОТЕЦ. Грегор, Грегор, в чём дело?

СЕСТРА (*тихо, за другой дверью*). Грегор! Тебе нездоровится? Помочь тебе чем-нибудь?

ГРЕГОР. Я уже готов!

Грегор-насекомое пытается встать, но это ему не удаётся.

10.

Ночь, галантерейный магазин Германа Кафки. Франц-подросток и Приказчик сидят на прилавке при свете свечи, отхлёбывают по очереди вино из бутылки и курят, при этом Приказчик подкашливает от болезни, а Франц с непривычки. Вообще, Франца развезло.

ПРИКАЗЧИК. Да, теперь тебе не подаришь леденец, Франц.

ФРАНЦ. Чёрт возьми, Матей.

ПРИКАЗЧИК. Между прочим, дар божий!

ФРАНЦ. Где?

ПРИКАЗЧИК. Я.

ФРАНЦ. Да?

ПРИКАЗЧИК. Имя моё так переводится. Я чех.

ФРАНЦ. Я еврей.

ПРИКАЗЧИК. Выпьем.

Отхлёбывают.

ФРАНЦ. То-то они испугаются!

ПРИКАЗЧИК. Ха! Куда делся господин сын?

ФРАНЦ. Я написал записку, что более не могу терпеть его грубость. А ты?

ПРИКАЗЧИК. Я? Я не писал записок.

ФРАНЦ. А ты как... ну, что скажешь ему завтра?

ПРИКАЗЧИК. Давай выпьем.

ФРАНЦ. За что?

ПРИКАЗЧИК. За Австро-Венгрию, великую империю, чтоб её! За чёртов город Прага! У одних он забирает жену и здоровье, другим даёт деньги и магазины.

Выпивают.

ФРАНЦ. Сегодня твой день рождения? Ты сказал, сегодня твой день рождения?

ПРИКАЗЧИК. Да, именно. Как будто родился заново. Выполз из мамки снова.

ФРАНЦ. Поздравляю тебя, Матей.

ПРИКАЗЧИК. Я увольняюсь из этого чёртова магазина. И не увижу твоего папашу чёртова больше.

ФРАНЦ. Чёрт.

ПРИКАЗЧИК. Да, брат.

ФРАНЦ. Но ты же тут вечность. Сколько себя помню.

ПРИКАЗЧИК. Вечность тоже проходит. Как ты? Чувствуешь, что повзрослел? Вино, табак. Ты же не пробовал эту чёртову гадость раньше? Тошнит?

ФРАНЦ. Чёрт.

ПРИКАЗЧИК. Молодец, мужик! Вот твой чёртов папаша разозлится, когда узнает, ха-ха! Пукиш пробрался ночью в магазин и напоил наследника! Ха-ха! Мелкую галку!

ФРАНЦ. А, понимаю, «кафка» переводится как «галка».

ПРИКАЗЧИК. Ха! Да ты ещё не совсем пьян, помнишь свою фамилию! Выпьем.

Выпивают.

ФРАНЦ. А почему ты сказал... А почему ты так сказал про Прагу?

ПРИКАЗЧИК. Чёрт, что?

ФРАНЦ. Что она отнимает здоровье и жену.

ПРИКАЗЧИК. Милена умерла.

ФРАНЦ. Кто такая Милена? Госпожа Пукиш?

ПРИКАЗЧИК. Да.

ФРАНЦ. Как умерла? Когда?

ПРИКАЗЧИК. Сегодня.

ФРАНЦ. Чёрт.

ПРИКАЗЧИК. Да. Она болела чахоткой, как и я.

ФРАНЦ. Ты болеешь чахоткой? Чёрт.

ПРИКАЗЧИК. Давно.

ФРАНЦ. Ты лечишься?

ПРИКАЗЧИК. Бесплезно. Знаешь русского писателя Чехова? Он умер от чахотки в сорок четыре. А он был доктор. Уж наверное мог бы вылечить себя.

ФРАНЦ. Я знаю Достоевского и Гоголя.

ПРИКАЗЧИК. Ты умный мальчик.

ФРАНЦ. Чёрт, я не мальчик, не называй меня так.

ПРИКАЗЧИК. Я читал твой рассказ.

ФРАНЦ. Мой рассказ? Чёрт.

ПРИКАЗЧИК. Это очень талантливо. Ты писатель. Ты как Чехов.

ФРАНЦ. Чёрт, Матей.

ПРИКАЗЧИК. Когда ты был ребёнком, я давал тебе леденцы. Но чёрт возьми, ты настоящий писатель.

ФРАНЦ (*плачет*). Чёрт.

ПРИКАЗЧИК. Да-да, Франц, поверь мне. Я плохой приказчик. Но я хороший читатель. Меня следовало уволить. Я читаю даже в лавке. Надо работать, а я читаю, пока нет покупателей. Не знаю, почему твой отец столько лет держит меня. Он хороший коммерсант, он отличный коммерсант...

ФРАНЦ. Он скотина!

ПРИКАЗЧИК. Он давал мне денег на лечение Милены. Да-да. Передавал через других.

ФРАНЦ. Он?

ПРИКАЗЧИК. Чёрт, я всегда так завидовал ему! Нам бог не дал детей. Да и хорошо, может. На кого бы... Давай выпьем.

Выпивают.

ФРАНЦ. Спасибо, Матей.

ПРИКАЗЧИК. Да, хорошее вино и табак.

ФРАНЦ. Спасибо за то, что ты так считаешь... ну, что я писатель и всё такое... чёрт. Ты первый прочитал мой рассказ. И единственный.

ПРИКАЗЧИК. Вся лавка не стоит тебя.

ФРАНЦ. Вся эта лавка?

ПРИКАЗЧИК. Вся лавка.

ФРАНЦ. У нас пятнадцать служащих. Оборот, ну ты знаешь же...

ПРИКАЗЧИК (*перебивает*). Ты вырастешь и станешь знаменитым. Все забудут про лавку Кафки. Будут помнить о писателе Франце Кафке.

ФРАНЦ. Чёрт, Матей! Я так счастлив! Такой счастливый день...

ПРИКАЗЧИК. Ночь...

ФРАНЦ.... И как-то всё так хорошо... Ой, у тебя же умерла жена... Прости, Матей.

ПРИКАЗЧИК. Знаешь, я так гневил твоего отца знаешь за что?

ФРАНЦ. За что?

ПРИКАЗЧИК. За то, что не осуществился. Не осуществился как коммерсант. А он считал, что и как человек. Что я не осуществился как человек, потому что человек – это коммерсант. А я так любил Милену. И она меня. Я осуществился в этой любви, понимаешь? Понимаешь меня?

ФРАНЦ. Понимаю.

ПРИКАЗЧИК. Ты почти ребёнок, но мне кажется, ты понимаешь. Твой рассказ этот... Он взрослый.

ФРАНЦ. Я понимаю.

ПРИКАЗЧИК. Я осуществился уже. А она умерла. Я служил, служил тут... Твой отец вытирал ноги об меня. Но я знал, что дома она.

ФРАНЦ. Какое...

ПРИКАЗЧИК (*перебивает*). Подожди! Я и правда как будто родился заново. Такая странная новая жизнь.

ФРАНЦ. Ты ещё не очень старый.

ПРИКАЗЧИК. Спасибо, Франц. Ты всегда был вежливый. И знаешь, брат, ты тоже осуществился.

ФРАНЦ. Я?

ПРИКАЗЧИК. Ты. Ты есть. Ты уже осуществился. И будешь делать это дальше, как писатель. Помимо магазина. Помимо чёртова этого магазина. Ты чёртов писатель! Они будут изучать тебя в гимназиях!

ФРАНЦ. Меня тошнит.

ПРИКАЗЧИК. Подожди. Прежде, чем ты заблуждёшь тут магазин своего папаши, хочу сказать тебе, брат.

ФРАНЦ. Говори быстрее, Матей.

ПРИКАЗЧИК. Хочу сказать тебе брат. Когда ты поймёшь, что сделал всё, что мог – уходи. Уходи, брат. Ты свободен. Если чувствуешь, что нет сил, всё, значит эта жизнь закончилась и началась новая. Новая странная жизнь.

ФРАНЦ. Мне надо выйти.

ПРИКАЗЧИК. И в этой новой странной жизни не будет ни коммерсантов, ни... Ни Праги, ни Австро-Венгрии, ни трамваев, ни холодов, ни докторов, ни тесноты этой, никого из этих всех противных рож людских. Никого.

Франц убегает в уборную.

Никого. Никого. И тебя.

Приказчик подходит к прилавку, смешивает женские и мужские товары, строит из них композицию, аккуратно надевает пальто и шляпу, выходит из магазина. Возвращается пьяный Франц, он ищет Приказчика.

ФРАНЦ. Матей! Матей! Где ты! А, чёрт.

Франц сбрасывает на пол ткани, делает из них постель, ложится и засыпает.

КОНЕЦ